Master Negative Storage Number

OCI00052.06

Golokhvastov, K.

Pervyi russkii korabl'

S.- Peterburg

1903

Reel: 52 Title: 6

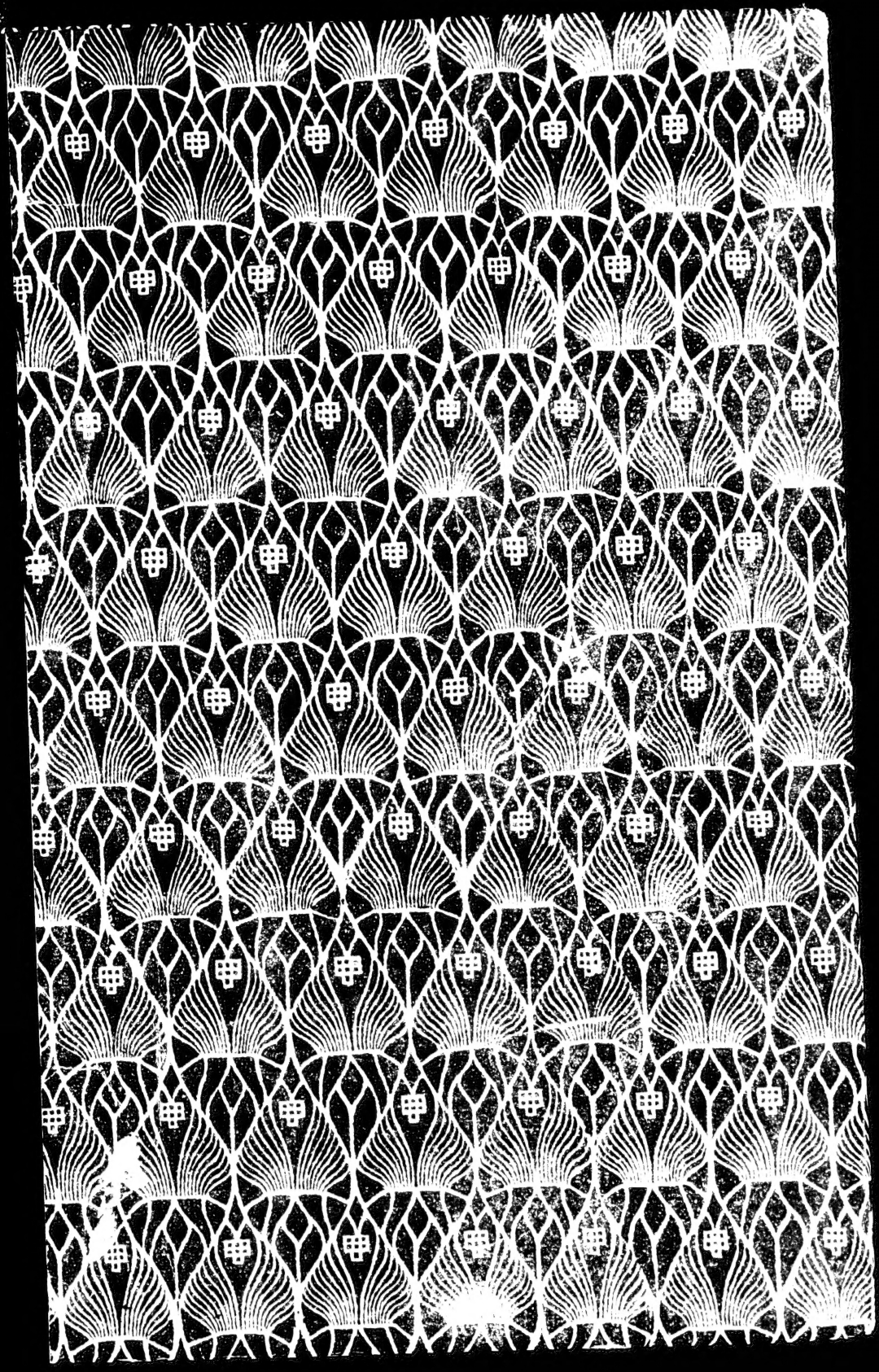
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00052.06

Control Number: BGM-6575
OCLC Number : 24903993
Call Number : W 381.5917N G583p
Author : Golokhvastov, K.
Title : Pervyi russkii korabl': razskaz iz epokhi bunta Sten'ki Razina / K. Golokhvastov.
Edition : Izd. 1.
Imprint : S.-Peterburg : Izdanie A.A. Kholmushina, 1903.
Format : 36 p. ; 17 cm.
Note : Colored illustrations on cover.
Subject : Razin, Stepan Timofeevich, d. 1671 Fiction.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Russia History Rebellion of Stenka Razin, 1667-1671 Fiction.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CS



К. Голохвастовъ.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ КОРАБЛЬ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЭПОХИ БУНТА

СТЕНЬКИ РАЗИНА.

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца А. А. Холмушина.
1903 г.

Дозволено цензур. С.-Петербургъ, 10 Февраля 1903 г.

Типографія Корпуснова, Мучной, № 7.

W381.5917N G583P

ГЛАВА I.

Московскія новости

— ... Тише, господине! ночь такъ темна, что не увидишь даже собственнаго носа, не токмо что канавы аль оврага...

— А какой шутъ ты фонарь свой подъ полу прячешь.

— Още-бы не прятать! здѣсь такое мѣсто, что куда не плюнешь, все въ лихова человѣка попадешь... На огонь идетъ что твоя... Охъ! И говорившій вдругъ внезапно очутился въ какой то канавѣ, погрузившись по колѣно въ жидкую грязь. При его движеніи, фонарь выпалъ было изъ подъ полы, но былъ удержанъ подъ [illegible] къ нему спутникомъ. Слабый

свѣтъ огарка сальной свѣчки освѣтилъ небольшое пространство. Видны были земля, покрытая кочками и травою, часть какого-го забора и та самая канавка, изъ которой, сердито ворча, вылѣзалъ человѣкъ, одѣтый въ сермяжную свитку.

Далѣе царилъ густой мракъ ночи изъ окутаннаго тучами неба, моросилъ мелкій дождь.

Пока вылѣзалъ одинъ, другой поводя фонаремъ на всѣ стороны, осматривалъ путь.

При свѣтѣ фонаря выяснились двѣ фигуры, изъ которой одна была высокаго роста, закутанная въ длинный охабень, изъ подъ котораго иногда блестѣла мѣдная рукоятка сабли, другой былъ съ виду средняго роста невзрачный мужикъ, въ свиткѣ подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ и въ лаптяхъ.

И къ чему тебѣ было фонарь зажигать засмѣялся выкокій, зажегъ и подъ полу спряталъ, эхъ ты!..

— Хвонарь затѣмъ и далсенъ, молвилъ мужикъ, шаркая ногами по травѣ, чтобы счистить съ нихъ лишнюю грязь, чтобы путь освѣтить, а тутъ вишь такое мѣсто глухое, значитъ... Иной разъ на огонь глядучи, и лихой человѣкъ объжитъ.

— Ну и пускай набѣжитъ, авось тогда на мою саблю нарвется... Куда мы теперь идемъ?

— Прямо къ слободѣ. Вотъ за эфтимъ заборомъ, стало быть, будетъ сейчасъ первая крайняя изба Козьмы Тришкина, потомъ далѣе Ерошкина.

— А до Онуфрича далеко еще?

— Почитай весь посадъ пройти придется по дорогѣ на главной улицѣ кабакъ будетъ, а тамъ недалечка.

— Ну идемъ. Ишь дождь какой!

— Все отъ Бога сказалъ мужикъ и двинулся впередъ.

Они шли дальше, шлепая ногами по грязи, причемъ мужикъ ободренный тѣмъ что у его спутника есть оружіе, держалъ фонарь прямо передъ собою тщательно освѣщая путь.

— Эхъ батюшка, ворчалъ онъ недовольнымъ тономъ, чѣмъ въ такую непогодь переправляться на лодкѣ чрезъ рѣку, переночевалъ бы на томъ берегу въ Недотыковкѣ. Чай не прогнали бы тебя изъ любой избы, право.

— Ну, ладно, иди! коли важное дѣло то тутъ некогда разбирать погоду, худа ли или хороша. Иначе чортъ бы несъ сюда меня въ такую пору!

При послѣднихъ словахъ мужикъ оста-

новился и воскликнулъ съ такимъ ужасомъ, что будто передъ его глазами явился самъ нечистый:

— Тьфу! тьфу! что ты родимый!.. нѣшто можно говорить такія слова...

— Какія?

— Теперь гляди уже полночь — а ты „его“ поминаешь... Въ это время „онъ“ шалитъ здорово. Вотъ когда петухи пропоютъ, тогда ничего.

Впереди появились темныя очертанія какого-то дома. Далѣе въ неясномъ пространствѣ тускло померцали какіе-то огоньки.

Вблизи тявкнула какая-то собаченка и вдругъ залилась громкимъ лаемъ.

— Вотъ и посадъ начался, — сообщилъ мужикъ. — Въ окнахъ свѣтится и православные еще не спятъ, значитъ нѣтъ полночи.

Вотъ свѣтъ и у Матюшиныхъ. Въ кабакѣ чай народушко еще сидитъ.

— А слобода эта какая?

— Ямская батюшка, Ямская. Народъ туточной все больше извозомъ промышляетъ, и тягло на него такое положено, чтобы государевыхъ людей и служилыхъ возить. А вотъ подалѣ будетъ Рыбная, а потомъ Стрѣлецкая. Городовые стрѣльцы тамъ живутъ. А ты [illegible]

честной, поди и самъ изъ ратныхъ людей будешь.

— Это ты говоришь на саблю мою глядючи?—сказалъ высокій человѣкъ— по нынѣшнимъ временамъ, а въ особенности въ вашей проклятой сторонѣ, будь не токмо что ратный человѣкъ, а самъ жидъ, и то безъ оружія нельзя.

— Что говоришь, батюшка, въ нашей сторонѣ гораздо ужъ не спокойно.

Голутвеннаго люду у насъ не мало тутъ путается, а тутъ еще на Волгѣ разбойникъ... Стенька появился, чтобъ ему окаянному ни дна ни покрышки!

— Какъ развѣ онъ и увасъ же появился.

— Нѣтъ, покеда, а слышно что онъ въ Самарѣ... Сказываютъ, что супротивъ его Стеньки этого самого, нашъ батюшка Государь прогнѣвался и на него разбойника, войско послалъ... Да ужъ больно силенъ каторжный, съ нимъ и войско не совладаетъ, вотъ онъ какой.

— Подожди же старина, придетъ и до него пора.

Сколько кувшину по воду не ходить, а все ему голову сломить... Попадется и онъ долго-ли коротко, и отольются тогда волку овечьи слезы.

Они уже шли по длинной прямой

улицѣ, по которой тянулись заборы, а изъ за нихъ темными массами виднѣлись избы, сквозь затянутыя пузыремъ окна, которыхъ мерцалъ слабый свѣтъ.

Вдругъ противъ нихъ появилась темная человѣческая фигура. Фигура эта, шлепая по грязи, пошатывалась въ разныя стороны бормоча какія-то несвязныя слова.

— Н-нѣтъ братъ... по-погади... ворчала она размахивая безпорядочно руками. За шкаликъ и... вдругъ тебѣ уваженіе... не въ жисть?.. Ты мнѣ не только зна... значитъ шкаликъ, а хошь два, три.. сколько хошь подноси, а я ни-ни... Во какой я человѣкъ!..

— Дядя Поликарпъ, ты ли это? окликнулъ его мужикъ...

Фигура остановилась, и недоумѣвающи взглянувъ на спутниковъ; вдругъ радостно воскликнула:

— Ермолаюшка, ты-ты?.. тты-ли это?.. Идемъ ко мнѣ.. слышь?.. поэтому значитъ, жена моя Авдотья завтра именинница и я иду за сивухой.

— Нѣшто кабакъ у тебя въ чистомъ полѣ, что сюда идешь? засмѣялся мужикъ.

— Тоись какъ въ полѣ?—изумился дядя Поликарпъ.

— А поэтому, кружало эвона гдѣ, а поля впереди тебя...

— Э, ну тебя! вмѣшался высокій человѣкъ... Время-ли подъ дождемъ бесѣду разводить! идемъ скорѣй.

Они двинулись дальше, оставивъ дядю Поликарпа, погруженнаго въ соображеніе, гдѣ находится кружало (кабакъ) и гдѣ поле.

Чѣмъ дальше шелъ мужикъ со своимъ спутникомъ, тѣмъ шаги его становились быстрѣе, и въ его сердцѣ таилась уже твердая надежда, что въ кружалѣ, куда они непремѣнно зайдутъ, онъ выпьетъ въ честь и славу своего спутника, который навѣрно выпьетъ самъ и угоститъ его. Сомнѣнія въ этомъ и быть не могло, потому что, гдѣ же это видано, чтобы человѣкъ къ которому онъ съ такимъ самоотверженіемъ услуживаетъ (теперь бы онъ навѣрно спалъ бы на палатяхъ въ своей избенкѣ на берегу рѣки, черезъ которую онъ его только что перевозилъ), могъ бы ему отказать въ этомъ.

— Вотъ и кабакъ Михѣича! — воскликнулъ онъ, — указывая на отдаленную избу со свѣтящимися окнами, изъ которой доносились поющіе и кричащіе голоса.

И затѣмъ, Ермолай съ какимъ-то одушевленіемъ ринулся впередъ такъ скоро, что длинноногій спутникъ едва могъ поспѣть за нимъ.

Такъ добрый конь послѣ длиннаго перехода, почуя въ близости своего стойла съ радостнымъ ржаніемъ мчитъ своего всадника.

И вотъ, вскорѣ предъ ними предсталъ широкій дворъ, окруженный острымъ тыномъ. Пройдя сквозь настежь открытыя ворота прямо къ высокой избѣ съ мерцавшими въ ней небольшими окнами, сквозь которыя тускло свѣтится огонь. Около высокаго крыльца стояли чьи-то осѣдланныя лошади привязанныя къ столбамъ и жевали брошенное предъ ними сѣно. Тутъ же были прислонены два стрѣлецкихъ бердыша. На крыльцѣ облокотившись на перила стоялъ какой то человѣкъ безъ шапки и въ растегнутомъ на распашку кафтанѣ.

— Просимъ милости! — встрепенулся человѣкъ, увидя идущихъ — пожалуйте, мѣстовъ и для васъ хватитъ.

— Здорово Михѣичъ! крикнулъ ему Ермолай, и при этихъ словахъ погасилъ свой фонарь.

— Откудова Богъ несетъ тебя Ермолаюшка въ такую пору?

— Да вотъ, боярина черезъ рѣку перевозилъ—сообщилъ мужикъ.

При словѣ „боринъ“ Михѣичъ сразу встрепенулся и бросился внизъ по ступенямъ лѣстницы, встрѣтилъ приближающагося гостя съ низкими поклонами.

— Спасибо тебѣ, господинъ честной, что не побрезговалъ зайти въ мой убогій домишко—заговорилъ онъ, хватая гостя подъ руку—осторожнѣй, ваша милость, тутъ ступеньки малость того-подгуляли, того и гляди провалишься... И когда незнакомецъ взошелъ на крыльцо, хозяинъ предупредительно сообщилъ:

— Коли потребуется, то есть отдѣльная коморка, для твой милости.

— Не надо мнѣ ничего, я только на одну минуту.

Хозяинъ подскочилъ къ двери и моментально распахнулъ ее.

Въ лицо гостя, сразу пахнуло отвратительнымъ запахомъ сивушнаго перегара, такъ что тотъ невольно отшатнулся.

— Просимъ милости,—поклонился хозяинъ и отошелъ въ сторону, чтобы дать имъ дорогу.

Изба, въ которую они вошли, была довольно просторна и тускло освѣщалась какими-то первобытными свѣтильниками

въ глиняныхъ чашкахъ, наполненныхъ жиромъ.

Вставленные въ жиръ крученые фитили, горѣли красноватымъ пламенемъ, издавая вонючій чадъ.

Царившій въ избѣ громкій говоръ сразу прекратился, потому, что сидѣвшіе за столами люди, обратили вниманіе на вошедшихъ.

Сидѣвшихъ въ кружалѣ гостей было немного. За однимъ изъ столовъ сидѣли трое ратныхъ людей, въ стрѣлецкихъ кафтанахъ. Передъ ними лежали двѣ мѣховыхъ шапки съ красными колпаками, а противъ одного изъ нихъ, цлемъ ерихонка. Кромѣ этихъ головныхъ уборовъ тутъ же стояли три огромныхъ кружки, наполненныхъ повидимому медомъ.

За четырьмя другими столами, сидѣли шестеро посадскихъ людей, передъ которыми тоже красовались объемистыя чарочки зеленаго вина.

Вошедшій, высокаго роста человѣкъ, снялъ шапку и отыскавъ глазами образа истово перекрестился и затѣмъ, распахнувъ свой широкій охабень, бросилъ его на руки подскочившему хозяину.

Это былъ молодой человѣкъ, которому по виду казалось не болѣе 25 лѣтъ, съ темно-русымъ вьющимися волосами и та-

ковыми же усами и круглой небольшою бородою, обрамлявшей его пышущее здоровьемъ загорѣлое лицо. Онъ былъ одѣтъ въ обыкновенный по тому времени черный кафтанъ, перепоясанный поясомъ по стройной талѣ. Съ боку его висѣла кривая турецкая сабля.

— Эй, Митюха! крикнулъ хозяинъ, стоявшему не подалеку босоногому мальчугану съ всклокоченной головой—бѣги сейчасъ въ ту горенку, гдѣ анадысь ночевалъ торговый гость, и вздуй тамъ огонь... Прошу пожаловать, честной господинъ, коль заночевать соизволишь, тамъ никто не помѣшаетъ.

— Напрасно безпокоишься хозяинъ: сказалъ гость—я зашелъ сюда только затѣмъ, чтобы угостить чарочкой моего провожатаго. Вижу я, что ему больно охота выпить.

— А куда тебѣ ѣхать, на ночь глядя!—сказалъ хозяинъ—да и непогодь къ тому же... Переночевалъ бы, а тамъ утро вечера мудренѣе...

— Спасибо на добромъ словѣ, но мнѣ сегодня же нужно быть у Петра Онуфріева, который должно быть живетъ отъ васъ не подалеку.

— Петръ Онуфріевичъ,—откликнулся одинъ изъ стрѣльцовъ.—Подъячій на-

шего приказа... знаемъ мы его!.. Затѣмъ отодвинувшись на лавкѣ, на которой онъ сидѣлъ, чтобы дать свободное мѣсто, онъ добавилъ:—присядь-ка съ нами добрый молодецъ, лучшаго мѣста пожалуй, во всемъ кружалѣ не найдешь.

— Спасибо—отвѣтилъ молодой человѣкъ —во первыхъ за доброе слово, а во вторыхъ за то, что скажешь хоть какое нибудь словечко про вашего дьяка, у котораго я долженъ быть непремѣнно сегодня.

— Врядъ-ли добьешься отъ него толку,—замѣтилъ одинъ изъ стрѣльцовъ; теперь онъ дрыхнетъ какъ филинъ, въ ясную погоду.

— Думаю, кто нибудь въ его домѣ, приметъ меня и безъ хозяина,—молвилъ гость, усаживаясь за столъ, причемъ положивъ шапку на столъ, аккуратно приспособилъ свою саблю между колѣнъ.

Дядя Ермолай оказавшійся при тускломъ освѣщеніи „цареваго кабака“ невзрачнымъ мужиченкомъ съ жиденькою растительностью на верхней губѣ и подбородкѣ, стоялъ у дверей, держа въ обѣихъ рукахъ баранью шапку и умильно глядя то на стоявшія на выручкѣ посудины съ зеленнымъ виномъ, то на молодого „боярина“ котораго онъ толь-

ко что привелъ въ это злачное мѣсто. Самъ цѣловальникъ только что введя въ свое учрежденіе молодого гостя, и увидя, что онъ ббзцеремонно усѣлся среди стрѣльцовъ, занялъ свой постъ за прилавкомъ, на которомъ красовались: боченокъ съ сивухой, воронка, нѣсколько „мѣрокъ“ начиная отъ-полъ кварты и кончая ведромъ, и глубокомысленно провелъ широкою ладонью по своей большой рыжей окладистой бородѣ. Это былъ высокій и плотно откормленный мужикъ, широкоплечій и съ большою лысиной на головѣ, обладавшей курчавыми короткими волосами.

— Какъ не принять, примутъ—согласился первый стрѣлецъ, тотъ самый, который пригласилъ молодого человѣка сѣсть. Безъ этого нельзя. Гдѣ это видано, чтобы оставить добраго человѣка проводить ночь посреди улицы. Ну-ка Михѣичъ, давай-ка сюда еще баклажечки зелена вина. Хоша теперь погода мокрая, а у нашего товарища навѣрно въ горлѣ сухо.

— Нѣтъ ужъ, погоди!—воспротивился гость—угощеніе покуда мое... Хозяинъ! полно тебѣ подчивать сиволдаемъ, нѣтъ ли у тебя хорошаго фряжскаго вина или романеи?

Подобные заказы должно быть въ этомъ кружалѣ или по просту кабакѣ были настолько рѣдки, что хозяинъ какъ-то особенно встрепенулся и приставивъ къ стѣнѣ гдѣ были полки съ посудой, не большую лѣстницу, полѣзъ почти къ самому потолку, чтобы найти требуемое.

— А проводнику моему, дай то, что онъ потребуетъ—добавилъ гость, шаря у себя въ карманѣ. Да вотъ что я проголодался такъ, что будто сто лѣтъ не видалъ куска хлѣба или говядинки-нѣтъ ли у тебя чего нибудь такого... знаешь...

— Какъ же не быть, батюшка боярин!—воскликнулъ цѣловальникъ и не взирая на свою толщину, ринулся изъ за своей выручки куда-то въ заднюю комнату, откуда вскорѣ послышался его возгласъ.

— Марфа! Марфа! Чертова деречница, куда тебя лѣшій занесъ?

Черезъ три минуты, должно быть сдѣлавъ зависящее распоряженіе, цѣловальникъ вернулся обратно и схватилъ Ермолая за руку, потащилъ его за собою.

— Иди въ людскую, — сказалъ онъ

ему;—тамъ тебѣ вдоволь дадутъ щтей, каши и вареной говядины...

— Постоя... началъ сопротивляться мужикъ, мнѣ только малость тае.. винца. Потомъ значитъ, его боярская воля...

— И вино будетъ, иди...—крикнулъ хозяинъ...

— Иди Ермолаюшка, за все плачу!— добавилъ гость.

Ермолай съ хозяиномъ исчезли.. Вскорѣ послѣдній вновь появился за выручкой и снова принялся отыскивать гдѣ то застрявшую романею.

— Напрасно, напрасно. Покачалъ головою стрѣлецъ хотѣлъ было я тебя угостить, такъ какъ самъ позвалъ, а ты съ романеей... ну, это впрочемъ не бѣда и за ними чередъ настанетъ. А теперь скажи, какъ величать твою милость по имени и отчеству?

— Семенъ Ожогинъ, а по батюшкѣ Петровичемъ величаютъ—сказалъ гость.

— Слыхалъ я про Ожогина одного,— сказалъ стрѣлецъ, и какъ бы стараясь что-то припомнить, началъ потирать себѣ ладонью лобъ; кажись онъ и теперь въ Сызранѣ стрѣлецкимъ головою состоитъ?

— Тотъ Ожогинъ, такая же родня для насъ, что твоему кузнецу двоюрод-

ный слесарь. Мы хоща и не знатнаго рода, но мой отецъ на Москвѣ не малую должность занимаетъ: онъ состоитъ капитаномъ въ рейтарскомъ полку!

И при этихъ словахъ, молодой человѣкъ гордо покрутилъ свои маленькіе усы.

Стрѣльцы въ недоумѣніи переглянулись между собою; живя въ медвѣжьемъ углѣ, они въ первый разъ услышали, что въ Москвѣ существуетъ такой еще невѣдомый полкъ.

— Какъ ты сказалъ? — освѣдомился одинъ изъ нихъ.

— Рейтарскій.

— Это что-же такое?

— Эхъ вы! застряли въ этомъ захолустьѣ и не знаете, что творится на бѣломъ свѣтѣ!.. Нынче у насъ на Москвѣ такіе порядки пошли, что и не разбери Господи!

— Нѣтъ ты вотъ что скажи, что это такое эти рей... рей... тьфу и не выговоришь!

— Нѣтъ не совсѣмъ. Великій государь, выписалъ изъ за моря, самыхъ что ни на есть лучшихъ людей знающихъ ратное дѣло.

И не даромъ можно сказать они хорошее жалованіе получаютъ: построеніе

такое, что залюбуешься, самопалы первый сортъ да и народъ одинъ другого краше, несмотря, что нѣмцы!

— Вотъ между нѣмцами живучи, ты и привыкъ къ романеи — усмѣхнулся одинъ изъ собесѣдниковъ.

Въ это время, хозяинъ разстарался гдѣ-то что-то вродѣ подноса, на который уставилъ четыре объемистые кубка, братину, наполненную фряжскимъ виномъ и баклагу съ пивомъ. За нимъ шла какая то женщина повидимому его жена, неся на блюдѣ „пеперечу“ вродѣ нашего жаркого, запахъ отъ котораго пріятно щекоталъ ноздри гостей.

— Романея и фряжское; и безъ нѣмца на Москвѣ рѣкою льется — отвѣтилъ молодой Ожогинъ, — ну, давайте выпьемъ всѣ протянули руки къ кубкамъ.

— Однако, постойте! — сказалъ Семенъ обо мнѣ вы справлялись кто я такой, позвольте и мнѣ узнать, съ кѣмъ имѣю честь за столомъ сидѣть и кому бить челомъ чарочкою?

— Изволь, сказалъ первый стрѣлецъ, обладатель шлема и ерихонки — я полусотенный стрѣлецкаго полка, Лука Незатаевъ, а эти два, десятника. Ѳедоръ Носачъ и Трифонъ Безпалый.

Носачъ и Безпалый встали со своихъ

мѣстъ и поклонились Ожогину такъ низко, что чуть не стукнулись лбами объ столъ.

Когда честь-честью всѣ выпили, причемъ стрѣльцы крякнувъ съ видимымъ удовольствіемъ отерли ладонями свои широкія бороды, Незамаевъ хлопнувъ рукою по плечу Ожогина, воскликнулъ.

— Славный ты парень, какъ я вижу! посиди-ка съ нами, да разскажи намъ, что творится въ матушкѣ Москвѣ. Здѣсь у насъ въ Арзамасѣ какія новости ровно никакихъ, словно бѣлый свѣтъ отъ насъ стѣною каменной огорожень.

— Радъ бы я съ вами побесѣдовать, добрые люди, — сказалъ Ожогинъ, да къ Онуфріеву спѣшить надо. Такъ надо, что если онъ не спитъ, за ноги стащу его съ постели, какъ онъ мнѣ нуженъ.

— Тогда вотъ что! — вмѣшался хозяинъ, которому страшно хотѣлось услышать про московскія новости; — позволь честной господинъ послать за нимъ, коли такъ нужно, то онъ безцеремонно придетъ.

— Посылай! посылай! — закричали стрѣльцы.

Михѣичъ быстро повернулся всей своей толстой и неуклюжей фигурой направился къ двери ведущія въ его

внутренніе апартаменты, и распахнувъ ихъ, крикнулъ:

— Марфа! Марфа!.. — слышь, чертова перечница!..

— Сейчасъ, родимый, сейчасъ,— послышался отвѣтъ, и въ дверяхъ появилась плотная женщина, которая была настолько изъ себя приглядна, что казалось страннымъ, почему хозяинъ называетъ ее такимъ именемъ.

— Снаряди сейчасъ Аксютку! —скомандовалъ Михѣичъ, пущай сейчасъ же объѣжитъ къ дьяку Петру Онуфричу, Слышь?.. скажи что изъ Москвы важный гость прибылъ и его Онуфрича къ себѣ проситъ... Живо у меня! чтобы значитъ, одна нога здѣсь, другая тамъ!

Ожогинъ поморщился. По нѣкоторымъ ему извѣстнымъ причинамъ, ему крайне не хотѣлось, чтобы приглашали сюда подъячаго съ которымъ онъ думалъ переговорить безъ свидѣтелей, но вздохнувъ онъ подчинился обстоятельствамъ.

— Тогда припаси еще посудину, обратился онъ къ хозяину.—Ну, пока придетъ сюда дьякъ, разскажите, какъ у васъ идутъ здѣсь дѣла. Думаю, что не ладно, потому-что третьяго дня ѣдучи по Муромской дорогѣ, я чуть не попла-

тился своею головою. Спасибо что я не одинъ былъ...

— Бываетъ, — сказалъ Лука, — по здѣшнимъ мѣстамъ народъ все аховый. Поди-ка хошь завтра и полюбуйся, что творится у насъ въ городѣ, по разбойному приказу. Воевода со своими дьяками и подъячими съ ногъ сбились, сколько мы къ нимъ за это время ратнаго народа понатаскали. Чай слыхалъ небось, гдѣ-то тамъ внизу по Волгѣ Разинъ проявился. И столько онъ, этотъ самый разбойникъ голытьбы себѣ набралъ, что и счету нѣтъ. По пути разныхъ бѣглыхъ холопей, отъ бояръ, просто валомъ валитъ.

Сначала мы ловили ихъ такъ и къ воеводѣ представляли, а теперь плюнули просто: какой важный попадется изъ убивцевъ, который сцарапаетъ, чтобы доставить куда слѣдуетъ, а остальныхъ прихлопнемъ да и ладно.

— Мнѣ не разъ встрѣчались по пути, цѣлыя партіи, человѣкъ до полусотни— сказалъ Ожогинъ.

— Просто моченьки нѣтъ отъ нихъ, отозвался съ сосѣдняго стола одинъ изъ посадскихъ людей. — Хошь мы не въ деревнѣ, а въ городѣ живемъ, да и то голь эта здорово намъ досаждаетъ.

Такіе случаи бываютъ, что приходятъ иные къ тебѣ прямо въ избу и силой хлѣба требуютъ... Хлѣбушка нынче не ахти какъ дается... сусѣдніе мужики, почитай всѣ поля бросили, разореніе одно, а со стороны подвозъ плохой. Не даромъ въ иныхъ городахъ пословица сказывается: славенъ молъ городъ Арзамасъ, да далекъ очень отъ насъ.

— А вы-то стрѣльцы, что же здѣсь дѣлаете, и почему своихъ не защищаите?—спросилъ Ожогинъ.

— А много-ли насъ-то! — отозвался Трифонъ Безпалый.—Во всемъ городѣ и пятисотъ человѣкъ нѣтъ, а остальные всѣ въ расходѣ на стругахъ на Волгу посланы на помощь тамошнимъ воеводамъ. А тѣмъ, кто на мѣстѣ остались, столько дѣловъ навалено, что не передыхнуть. То въ караулъ идти надо, то на торгу съ приставами порядки наблюдать, то воровскихъ людишекъ ловить посылаютъ.

— Вотъ, хоща мы къ примѣру сказать, прибавилъ Незамаевъ. Пятые сутки не знаемъ, что у насъ на дому дѣлается.

— Что такъ? — спросилъ Ожогинъ.

— Да видишь-ли ты, господинъ честной, появились въ нашей сторонѣ какіе-то людишки, отъ Стеньки Разина по-

досланы, и народъ возмущаютъ... Они сказываютъ, что будто Стенька идетъ прямо на Москву, везетъ съ собою патріарха Никона, чтобъ возвести его на патріаршій престолъ.

— Не одинъ Никонъ,—усмѣхнулся Носачъ, даже будто ѣдетъ самъ царевичъ Иванъ...

— Какой Иванъ?—спросилъ Ожогинъ.

— Сынъ покойничка государя нашего Михаила Ѳедоровича.

— Да вѣдь онъ много годовъ тому назадъ какъ померъ!

— Мало-ли, что. — Вотъ спроси-ка старика отца моего, который посейчасъ дома на печи лежитъ. То что онъ разсказываетъ бывало, просто уму помраченіе. При немъ былъ на Москвѣ окаянный Гришка Отрепьевъ, который царемъ назвался, убилъ Годуновыхъ и на царство сѣлъ. Потомъ, послѣ того когда этого самозваннаго царевича свергнули, и мой отецъ, (въ московскихъ стрѣльцахъ былъ онъ тогда) собственными руками застрѣлялъ Басманова, а Гришку на огнѣ сожгли и пепломъ его пушку зарядили и выстрѣлили въ ту сторону, откуда его принесла нелегкая. Такъ и это дѣло. Понадобился Иванъ царевичъ кому нужно, ну и нашелся.

Въ эту минуту двери распахнулись и въ кружало вошелъ высокій, сановитый старикъ, съ умнымъ, добродушнымъ лицомъ. Остановившись по среди избы и снявъ шапку крикнулъ:

— Кому я тутъ понадобился?

— Мнѣ! отвѣтилъ Ожогинъ и всталъ съ мѣста.

— Батюшки!—воскликнулъ старикъ.—Вотъ нежданно—не гадано... Семенушка, ты-ли это?

И подбѣжавъ къ молодому человѣку, онъ сжалъ его въ своихъ объятьяхъ.

— Не узнать совсѣмъ не узнать, говорилъ Петръ Онуфріевичъ, слегка отстраняя отъ себя молодого человѣка и видимо имъ любуясь.—Давно ли подъ столъ пѣшкомъ ходилъ, теперь, эвона какой, молодецъ-молодцомъ, хоть жени!.. Впрочемъ ты ужъ женатъ?

— Богъ помиловалъ.

— Напрасно такъ говоришь, потому что женитьба вещь важная и женатый человѣкъ, больше имѣетъ уваженія, чѣмъ не женатый... Впрочемъ объ этомъ послѣ... А теперь, скажи пожалуста, по какому праву твоя милость вмѣсто того, чтобы идти прямо ко мнѣ, сюда пожаловалъ!

— Мы сами его не пустили,—сказалъ Лука Незамаевъ.

— Вы стрѣльцы, вѣчно поперегъ дороги всѣмъ стоите!—шутливо упрекнулъ старикъ. На торгу, прохода бабамъ не даете, а въ кружалѣ сына моего наилучшаго друга задержали. Эхъ вы! Потомъ взглянувъ на столъ, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— О, преславное и привеликое стрѣлецкое воинство! много лѣтъ живу я на бѣломъ свѣтѣ и впервые только вижу, чтобы они угостили кого-нибудь заморскимъ виномъ!

— Ты ошибся почтенный старче! молвилъ Носачъ. Мы было размахнулись угостить пріѣзжаго гостя, а онъ отъ себя заморскаго добра поставилъ!

— Ну вотъ, поди-жъ ты!.. покачалъ головою Петръ Онуфріевичъ. А впрочемъ какъ сказать, у служилаго народа деньга по кубышкамъ прячется, а въ карманѣ вѣчно пусто.

— Садись, садись!—закричали стояльцы и одинъ изъ нихъ даже потянулъ подъячаго за длиный рукавъ ферязи.

— Давай еще вина распоряжался Ожогинъ.

— Нѣтъ, братъ шалишь! остановилъ его Незамаевъ.—Теперь нашъ чередъ!

И онъ торжественно вынулъ изъ пазухи мошну съ мелкими деньгами, потрясъ передъ носомъ Онуфрича.

— Ты говоришь, старый, что у нашего брата стрѣльца деньги по кубышкамъ прячутся, а это что?

— На то ты и полусотенный, лукаво ухмыльнулся старикъ, намѣреваясь сѣсть за столъ.

Къ нимъ подошелъ Михѣичъ.

— Вотъ, что честные господа, — сказалъ онъ, — не пригоже вамъ сидѣть здѣсь посреди сѣраго люда. Малоди ли что говорить придется, не всякому и слушать дозволяется. Прошу васъ пожаловать въ горенку; тамъ просторно вамъ будетъ и можно говорить безъ всякой опасности. Всѣ охотно согласились съ этимъ предложеніемъ и немедленно къ величайшей досадѣ остальныхъ присутствующихъ въ кружалѣ, вся группа перебралась въ небольшую комнату, гдѣ мирно усѣвшись начали бесѣду.

Михѣичъ потиралъ руки отъ удовольствія; потому что молодой гость повидимому обладалъ не малою деньгою, и щедро платилъ за обильное угощеніе. Петръ Онуфріевичъ и стрѣльцы то же не уступали ему, такъ что этотъ вечеръ, сулилъ хозяину не мало барыша.

Долго и много разсказывалъ Семенъ Ожогинъ своимъ слушателямъ про разныя московскія „дѣйства“ и жадно слушалъ его Онуфріевичъ и стрѣльцы.

Что касается до Михѣича, то онъ за это время испортилъ въ себѣ три фунта крови; на самыхъ интересныхъ мѣстахъ Ожогинскаго разсказа, его то и дѣло прерывали остальные гости, своими требованіями, то водки, то хлѣба, то квасу.

О чемъ разсказывалъ Ожогинъ мы узнаемъ послѣ.

ГЛАВА II.

Опальная грамота.

Въ наше время, принято изображать старинныхъ дьяковъ и подъячихъ, въ видѣ какихъ то жалкихъ личностей, а на театральныхъ сценахъ они фигурируютъ въ видѣ юркихъ человѣчковъ, которымъ преданъ и особый типъ: тощая фигурка, облеченная въ не-то подрясникъ, съ косичкой и жиденькой бородкой на плутовамъ лицѣ. У нашихъ доморощенныхъ авторовъ разныхъ балаганныхъ „историческихъ“ піесъ, дьяки и подъячіе являются чѣмъ то вродѣ нашихъ дьячковъ и пономарей.

Это большая ошибка. На оборотъ, званіе дьяка и затѣмъ его помощника подъячаго, было почтенно. Сообразно должности, которую они занимали, званіе ихъ равнялось чинамъ нынѣшнихъ статскихъ генераловъ. Напримѣръ: подъячій Зотовъ былъ воспитателемъ царевича

Петра Алексѣевича, будущаго преобразователя Россіи.

Арзамасскій подъячій Петръ Онуфріевичъ Замятнинъ, былъ тоже человѣкъ не маленькій. Правая рука думнаго дьяка Гвоздева, онъ въ городѣ имѣлъ не малое вліяніе. Это былъ человѣкъ всѣми уважаемый: добродушный, веселый, чуждый всякой спѣси, онъ вершилъ свои дѣла такъ, что имъ были одинаково довольны, какъ просители, такъ и тѣ лица къ которымъ относились передаваемыя въ его руки челобитныя.

Взяточничество какъ болѣзнь его вѣка, было и ему не чуждо. Онъ какъ и всѣ, начиная съ самого воеводы и кончая послѣднимъ писцомъ повытчикомъ бралъ разные „поминки“ и „посулы“, но бралъ добросовѣстно, стараясь не обидѣть челобитчика.

Благодаря безгрѣшнымъ доходамъ онъ скопилъ себѣ не малую деньгу, выстроилъ домишко, съ хитрою рѣзьбою на крышѣ, красивыми размалеванными ставнями на окнахъ, съ крыльцомъ украшеннымъ рѣзными столбиками. И чѣмъ онъ еще любилъ похвастать, такъ своими рѣшетчатыми окнами, въ которыя были вставлены разноцвѣтныя стекла,

что въ то время было величайшею рѣдкостью.

Въ это время, въ Московское царство начали проникать уже разныя иноземныя новшества. Тишайшій царь Алексѣй Михаиловичъ, чтобы хоть нѣсколько преобразовать нестройныя толпы россійскаго воинства, началъ приглашать въ русскую службу иноземныхъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ, затѣмъ и наемныхъ иностранныхъ солдатъ.

За этими военными людьми пришли и разные спеціалисты по разнымъ отраслямъ искусства. Всѣмъ имъ покровительствовалъ любимецъ царя, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Русскіе, принужденные вращаться среди иностранцевъ, невольно вглядывались въ ихъ житье-бытье, и болѣе умные изъ нихъ начали отрекаться отъ своей косности. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ семействахъ костюмы уже шили не изъ самодѣльныхъ матерій и тканей, а изъ иностранныхъ. Молодежь щеголяла въ въ кафтанахъ изъ нѣмецкаго сукна. Въ комнатахъ появилась и мебель въ нѣнѣмецкомъ вкусѣ, часы съ курантами, органчики и иная заморская премудрость. Дошло даже до того, что нѣкоторые князья, бояре да дворяне, къ величай-

шему соблазну благочестивыхъ людей, начали освобождать женщинъ изъ теремовъ. Благодаря почину боярина Матвѣева, боярыни и боярышни не сидѣли въ заперти въ свѣтлицахъ, не видя свѣта Божьяго, а появлялись явно съ открытыми лицами предъ посторонними и сами принимали гостей.

Этого еще мало. Хитроумные «нѣмцы» какъ вообще принято было называть европейцевъ всѣдъ національностей, разгуливали по Московскимъ улицамъ съ трубками въ зубахъ, что приводило въ ужасъ и негодованіе даже своихъ сторонниковъ изъ Русскихъ. Но однако изъ послѣднихъ явилось не мало подражателей. Бѣсовское зелье, табакъ, постепенно начало прививаться къ нимъ Изданъ былъ указъ, чтобы преслѣдовать курильщиковъ. Сначала такихъ «преступниковъ» поймавъ, били въ батоги нещадно, а потомъ пошли болѣе строгія мѣры: курильщикамъ отрѣзали губы или языкъ, а нюхающимъ носы. По числу лишенныхъ этого органа обонянія, можно было вести правильную статистику, сколько народу занималось въ Москвѣ этой еретической привычкой.

Все это я упомянулъ потому, чтобы дать понять читателю, что Арзамасскій

подъячій Петръ Онуфріевичъ Замятинъ, былъ чуждъ всѣхъ этихъ грѣховныхъ нововведеній, не смотря на то, что часть ихъ вмѣстѣ съ только что появившимся раскольничествомъ появились и въ его родномъ городѣ. Его хорошенькая дочь Даша, сидѣла въ своей свѣтлицѣ, если не подъ двѣнадцатью замками, то подъ строгимъ надзоръ своей благочестивой родительницы Митродоры Поликарповны и нянюшки Агафьи Тихоновны.

Было великолѣпное лѣтнее утро. Яркіе лучи солнца проникнувъ сквозь разноцвѣтныя узорчатыя стекла замятнинскихъ хоромъ, ложились красными, желтыми, синими и зелеными пятнами, то на устланый коврами полъ, то на поставецъ съ посудою, то на широкую кровать, на которой развалясь въ мягкой перинѣ спалъ богатырскимъ сномъ Семенъ Ожогинъ.

Въ вышеупомянутый вечеръ, онъ выпилъ въ обществѣ стрѣльцовъ и старика Замятнина, не малую толику.

Долго бы проспалъ Ожогинъ, если бы вдругъ не случилась непредвидѣнная катастрофа.

Въ комнатѣ было не нарушимое спокойствіе, прерываемое могучимъ храпѣ-

ніемъ спавшаго. Вдругъ сквозь полуотворенную дверь, явились два котенка. Одинъ сѣрый, а другой бѣлый и пушистый, напоминающій собою комокъ снѣга.

Они-то и оказались нарушителями царившаго въ опочивальнѣ покоя.

Вниманіе бѣлаго котенка было привлечено висѣвшей съ гвоздя почти касаясь пола, какой-то желтой ленты. Котенокъ подошелъ къ ней и тронулъ ее лапкой. Лента заколыхалась. Должно быть, чтобъ остановить это качаніе, звѣрекъ подпрыгнувъ, уцѣпился за нее передними лапками. Это должно быть не понравилось сѣрому и онъ разбѣжавшись, угостилъ своего пріятеля пощечиной, тотъ отвѣтилъ тѣмъ-же.

Началась между ними возня. Сначала они сцѣпившись другъ съ другомъ, кувыркались по полу, но затѣмъ сѣрый, жестоко оцарапаный, фыркнулъ и распушивъ свой хвостъ, вспрыгнулъ на спинку кровати, какъ разъ надъ головою Ожогина.

Въ это время Ожогину снилось, что будто его производятъ въ рейтарскіе капитаны, на злость нѣмцу Эгельштейну, который давно добивался этого чина.

— Дюжа поколочонъ, молвилъ одинъ изъ смотрѣвшихъ. Постой, никакъ онъ дышитъ.

— Вправду дышитъ. Оттирай его ребята.

— Да стоитъ-ли? Это навѣрно одинъ изъ станичниковъ...

— Лей ему въ ротъ водку, у кого есть.

— У меня.

— Давай сюда.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ хлопотъ, Ермолай очнулся и застоналъ.

— Эй, ты, крикнулъ ему одинъ изъ ратниковъ, кто ты такой?

Тотъ продолжалъ стонать.

— Пущай опомнится, видишь человѣкъ только что началъ приходить въ себя.

Но Ермолай уже окончательно очнулся.

Приподнявъ голову и осмотрѣвшись кругомъ мутными глазами, онъ спросилъ

— Живъ ли бояринъ?

— Какой бояринъ...

— Да молодой, Степанъ Петровичъ Ожогинъ.

— Э, да онъ изъ нашихъ! Гдѣ ты видалъ Ожогина.

— Онъ былъ со мной... На птицу

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

ніемъ спавшаго. Вдругъ сковь полуотворенную дверь, явились два котенка. Одинъ сѣрый, а другой бѣлый и пушистый, напоминающій собою комокъ снѣга.

Они-то и оказались нарушителями царившаго въ опочивальнѣ покоя.

Вниманіе бѣлаго котенка было привлечено висѣвшей съ гвоздя почти касаясь пола, какой-то желтой ленты. Котенокъ подошелъ къ ней и тронулъ ее лапкой. Лента заколыхалась. Должно быть, чтобъ остановить это качаніе, звѣрекъ подпрыгнувъ, уцѣпился за нее передними лапками. Это должно быть не понравилось сѣрому и онъ разбѣжавшись, угостилъ своего пріятеля пощечиной, тотъ отвѣтилъ тѣмъ-же.

Началась между ними возня. Сначала они сцѣпившись другъ съ другомъ, кувыркались по полу, но затѣмъ сѣрый, жестоко оцарапаный, фыркнулъ и распушивъ свой хвостъ, вспрыгнулъ на спинку кровати, какъ разъ надъ головою Ожогина.

Въ это время Ожогину снилось, что будто его производятъ въ рейтарскіе капитаны, на злость нѣмцу Эгельштейну, который давно добивался этого чина.

— Дюже поколочонъ, молвилъ одинъ изъ смотрѣвшихъ. Постой, никакъ онъ дышитъ.

— Вправду дышитъ. Оттирай его ребята.

— Да стоитъ-ли? Это навѣрно одинъ изъ станичниковъ...

— Лей ему въ ротъ водку, у кого есть.

— У меня.

— Давай сюда.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ хлопотъ, Ермолай очнулся и застоналъ.

— Эй, ты, крикнулъ ему одинъ изъ ратниковъ, кто ты такой?

Тотъ продолжалъ стонать.

— Пущай опомнится, видишь человѣкъ только что началъ приходить въ себя.

Но Ермолай уже окончательно очнулся.

Приподнявъ голову и осмотрѣвшись кругомъ мутными глазами, онъ спросилъ

— Живъ ли бояринъ?

— Какой бояринъ..

— Да молодой, Степанъ Петровичъ Ожогинъ.

— Э, да онъ изъ нашихъ! Гдѣ ты видалъ Ожогина.

— Онъ былъ со мной.., На птицу

охотился, а тутъ напали эти разбойники.

— Вотъ оно что! Значитъ его схватили станичники... Ты можешь стоять на ногахъ?

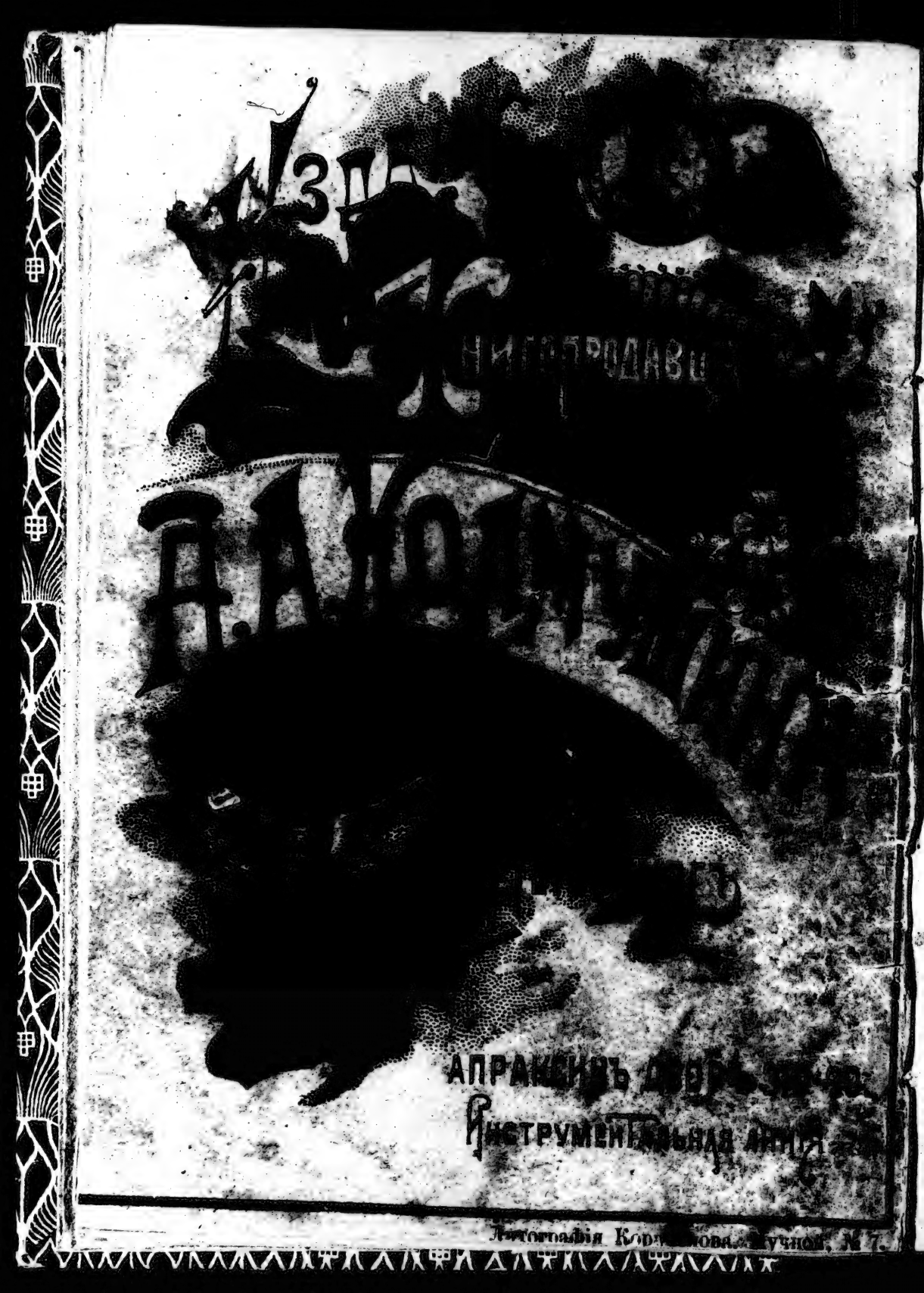
— Охъ, не могу!

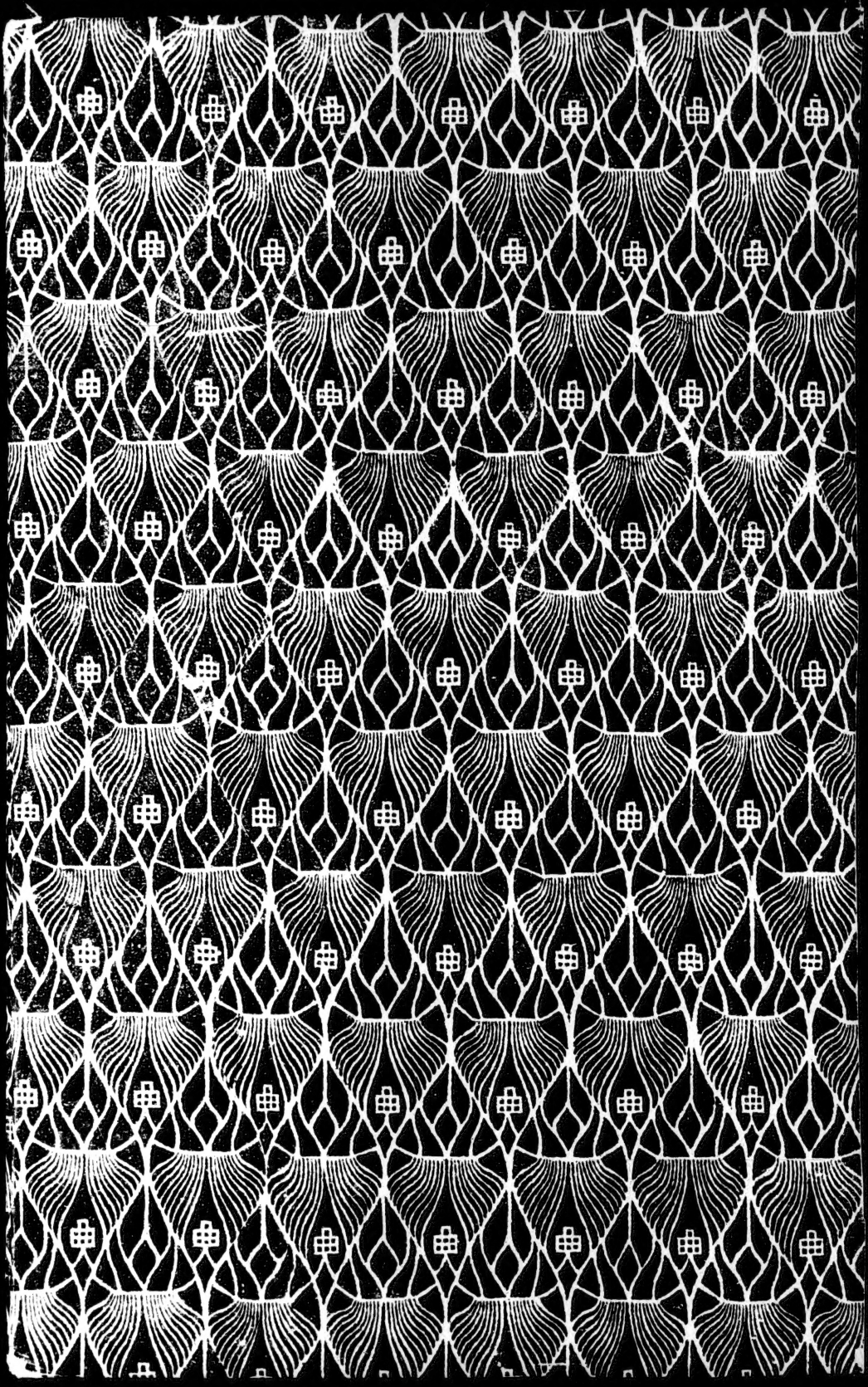
— Дѣлать теперь нечего, надо его тащить на рукахъ въ станъ, а потомъ снарядить людей на розыски.

Такъ и сдѣлали неся съ собою Ермолая, ратники съ наступленія полнѣйшей темноты вернулись въ лагерь.

Тогда Сабуровъ приказалъ немедленно послать для совершенія правильной облавы во всѣ стороны.

Но поиски эти не увѣнчались успѣхомъ. Ожогинъ пропалъ словно въ воду канулъ.


Изд
Книгопродавц
А. А. Ко
Апраксинъ дворъ
Инструментальная линія
Литографія Кор
Мучной, № 7.

W381.5917N-G583p

W117279